

Научная статья
УДК 343.2/.7
EDN WKCB0Q

Уголовно-правовая политика современной России: проблематика криминализации и декриминализации

Светлана Ивановна Кузина¹, Евгений Александрович Паламарчук²,
Инга Григорьевна Сагирян³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2,3}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2}Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону,
Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

¹svivk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0026-5351>

²epalamar@mail.ru

³sagiryanyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1863-869X>

Аннотация

Введение. Проводимая уголовно-правовая политика любого государства является следствием основных направлений политики в глобальном понимании. За последние десятилетия наметилась тенденция, когда законодатель криминализует и декриминализует ряд преступных деяний, а затем вновь возвращает существовавшие ранее нормы в первоначальное состояние. Также наблюдается искусственное увеличение числа уголовно-правовых норм в одной и той же области, что не всегда целесообразно. Авторы статьи подробно рассматривают вышеупомянутые процессы и выявляют их позитивные и негативные моменты.

Цель. Комплексный анализ процессов криминализации и декриминализации, проходящих в уголовно-правовой политике Российской Федерации.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют общеиспользуемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении актуальной проблемы.

Результаты. Основными формами реализации уголовно-правовой политики на сегодняшний день являются правотворчество, правоприменение и правовая культура. Каждая из перечисленных форм является отражением государственной политики и выражает её направленность. Непонимание со стороны некоторых государственных деятелей подлинного значения уголовного права как такового способно спровоцировать неблагоприятные явления в обществе (маргинализацию населения, увеличение числа заключённых и пр.), что недопустимо. На сегодняшний день такие процессы происходят в государствах с чрезмерно жесткой государственной политикой. Для небольших государств характерно то, что превентивными средствами выступают не столько нормы уголовного законодательства, а сколько принимаемые государством, например, технические меры (установка на всех улицах камер наблюдения).

Выводы. На основании проведённого исследования авторами отмечается объективная необходимость приведения административно-преюдициальных норм, содержащихся в уголовном законе, к единому знаменателю. Предлагается помещение в диспозиции соответствующих статей уголовного закона формулировки: «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей».

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, криминализация, декриминализация, транснациональная организованная преступность, уголовно-правовые меры, правотворчество, правоприменение, правовая культура, мнимая криминализация, административные правонарушения

Для цитирования: Кузина С. И., Паламарчук Е. А., Сагирян И. Г. Уголовно-правовая политика современной России: проблематика криминализации и декриминализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 128–136. EDN WKCBQ

Original article

Criminal law policy in contemporary Russia: issues of criminalization and decriminalization

Svetlana I. Kuzina¹, Evgeny A. Palamarchuk², Inga G. Sagiryan³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

^{1, 2, 3}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^{1, 2}Branch of the Moscow University named after S. Yu. Witte in Rostov-on-Don, Russia

²Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russia

¹svivk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0026-5351>

²sagiryan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1863-869X>

³epalamar@mail.ru

Abstract

Introduction. The criminal law policy of any state is a consequence of the main directions of policy in a global sense. In recent decades, there has been a trend where the legislator criminalizes and decriminalizes a number of criminal acts, and then returns the previously existing norms to their original state. There is also an artificial increase in criminal law norms in the same area, which is not always appropriate. The authors of the article examine the aforementioned processes in detail and identify their positive and negative aspects.

Purpose. A comprehensive analysis of the processes of criminalization and decriminalization taking place in the criminal law policy of the Russian Federation.

Theoretical foundations. Methods. The theoretical basis of the research was made up of scientific articles, statistical reports of government departmental structures, materials of judicial and investigative practices. The methodological basis is made up of commonly used scientific research methods, the application of which determines the choice of systemic, activity-based, functional and interdisciplinary approaches to the study of an urgent problem.

Results. The main forms of implementation of criminal law policy today are law-making, law enforcement and legal culture. Each of the listed forms is a reflection of the state policy and expresses its orientation. A lack of understanding on the part of government officials of the true meaning of criminal law as such can provoke adverse phenomena in society (marginalization of the population, an increase in the number of prisoners, etc.), which is unacceptable. Today, such processes are taking place in states with excessively strict government policies. For small states, it is typical that preventive measures are not so much based on criminal legislation, but rather on measures taken by the state, such as technical measures (installation of surveillance cameras on all streets).

Conclusions. Based on the conducted research, the authors note the objective necessity of bringing the administrative and pre-judicial norms contained in the criminal law to a common denominator. Thus, the authors of the article propose placing the following wording in the disposition of the relevant articles of the criminal law: "committed by a person who has been administratively punished for a similar act or has a criminal record for committing a crime under this article."

Keywords: criminal law policy, criminalization, decriminalization, transnational organized crime, criminal law measures, lawmaking, law enforcement, legal culture, imaginary criminalization, administrative offenses

For citation: Kuzina S. I., Palamarchuk E. A., Sagiryan I. G. Criminal law policy in modern Russia: issues of criminalization and decriminalization. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):128–136. (In Russ.). EDN WKCBQQ

Введение

Понятие «уголовно-правовая политика» является термином, который использовался в США со времен провозглашения их независимости. Этот термин предназначался для определения государственной стратегии, главных направлений, форм и методов преодоления и предупреждения преступности в американском обществе. При этом основы научного постижения государственной политики борьбы с преступностью в развитых странах мира были заложены во второй половине XVIII в. Выдающуюся роль в этом научном процессе сыграли западные учёные. Самого термина «уголовно-правовая политика» тогда ещё не существовало, однако в трудах просветителей содержался широкий круг уголовно-правовых и криминологических идей, что впоследствии привело к возникновению уголовно-правовой политики как научной дисциплины.

Очевидно, что категории и понятия уголовно-правовой науки являются необходимыми формами научного мышления, степенью и основой дальнейшего развития достигнутого знания. При этом термин «политика» имеет ключевое методологическое значение для данного исследования [1, с. 83].

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчёты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют общеиспользуемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении обозначенной проблемы.

Результаты и обсуждение

Уголовно-правовая политика – это направление деятельности специально уполномоченных государственных органов, которое касается охраны прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от общественно опасных посягательств путем применения наказания и других мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим такие посягательства, а также путем предотвращения указанных посягательств посредством правового воспитания и мер профилактики индивидуального и специально-криминологического характера.

Основными направлениями современной уголовно-правовой политики должны быть [2, с. 56]:

- 1) своевременная и правильная криминализация (пенализация) общественно опасных действий;
- 2) декриминализация (депенализация) деяний;
- 3) обоснованная дифференциация уголовной ответственности и наказания;
- 4) обеспечение международного сотрудничества в области противодействия преступлениям.

Методологический аспект уголовно-правовой политики касается её мировоззренческих основ, а также принципов понятийного аппарата и современных проблем данной системной реальности. Политический аспект позволяет выявить зависимость уголовно-правовой политики от государственного политического курса, её место в политической системе общества. Анализ исторического аспекта уголовно-правовой политики позволяет лучше разобраться с современным положением дел в государственной политике борьбы против преступности. Изучение юридического аспекта уголовно-правовой политики способствует научному постижению межотраслевого комплексного и системного характера его предмета. Наконец, раскрытие криминологического аспекта указанной политики приводит к точному описанию связи и зависимости этого явления от сущности и параметров преступности для установления всестороннего контроля политической власти над проявлениями любой преступной деятельности.

Одним из важнейших средств решения проблем противодействия преступности со стороны общества учёные считают всестороннее развитие науки уголовно-правовой политики на основе преемственности этого процесса через приобщение к научной деятельности различных экспертов.

Исходя из этого, уголовно-правовая политика – это ещё и сфера знаний о причинах и последствиях совершения преступлений, которая направлена на стратегическое противодействие этой преступности средствами общественного и государственного воздействия, на системное реформирование уголовной юстиции на отдаленную перспективу.

Необходимо, чтобы уголовно-правовая политика позволила в первую очередь обеспечить безопасность нашей страны от транснациональной организованной преступности, по сути являющейся глобализированной нелегальной экономикой (по некоторым оценкам, её ежегодный оборот составляет около 1,5 % мирового ВВП), постоянно меняющейся отраслью, которая адаптируется к рынкам и рождает новые виды преступности, выходит за культурные, социальные, языковые и географические рамки. Хотя транснациональная организованная преступность – глобальная угроза, её дестабилизирующее влияние ощущается и на уровне государства, и на местном уровне.

По данным UNODC (Управление ООН по наркотикам и преступности) современными проявлениями транснациональной организованной преступности являются¹:

- незаконное обращение наркотиков (объем рынка - около \$320 млрд);
- торговля людьми (по данным МОТ, количество жертв торговли людьми в любой момент времени составляет 2,4 млн, а прибыль от этой деятельности – около \$32 млрд). В Европе торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации приносит ежегодно \$3 млрд; каждый год ее новыми жертвами становятся 70 тыс. чел.);
- незаконный ввоз мигрантов (например, в 2008 г. прибыль только от незаконного ввоза в Европу 55 тыс. мигрантов из Африки составляла \$150 млн, а в 2009 г. – 3 млн мигрантов из Латинской Америки в Северную Америку – около \$6,6 млрд);
- незаконная торговля огнестрельным оружием (этот бизнес приносит ежегодно от \$170 до 320 млн прибыли, в результате оружие попадает к бандитам и в незаконные вооруженные формирования);
- незаконное обращение природных ресурсов, в частности контрабанда алмазов, древесины, редких металлов;
- незаконная торговля дикими животными и растениями, которая ставит под угрозу существование некоторых видов (по данным Международного фонда охраны природы, ежегодно незаконно продается более 100 млн тонн рыбы, 1,5 млн живых птиц и 440 000 тонн лекарственных растений);
- торговля поддельными лекарствами;
- киберпреступность (одним из наиболее выгодных для преступников направлений этой деятельности является похищение персональных данных, приносящее ежегодно \$1 млрд преимущественно в результате получения доступа к банковским счетам).

Унификация (или по терминологии западной доктрины – гармонизация, сближение) уголовного законодательства, прежде всего европейских государств, к которым относится России, является объективно необходимой для повышения эффективности борьбы с преступностью в условиях глобализации. Гармонизация общеевропейского уголовного законодательства, то есть приведение его в соответствие с европейскими стандартами, объективно необходима для повышения эффективности борьбы с международными преступлениями и преступлениями международного характера на евразийском континенте.

Преступность нельзя победить с помощью одних только уголовно-правовых средств. Ведь преступность, преступление, наказание, другие уголовно-правовые меры – это не сугубо уголовно-правовые феномены, а общесоциальные явления, подлежащие исследованию юристами-криминологами с учетом достижений других общественных, а также естественных

¹ United Nations. Office on Drugs and Crime. URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 03.10.2025).

и точных наук совместно с учеными-социологами, экономистами, психологами, медиками, а также историками и философами [3, с. 76].

Возможности уголовного права в области противодействия преступности и его влияние на состояние современной преступности не следует переоценивать. Уголовное право – это «хирургическое» средство. В классическом его понимании оно остается «оружием» против наиболее опасных преступлений, связанных с терроризмом, другим опасным насилием, торговлей людьми, разными видами незаконного завладения чужим имуществом, взяточничеством, отмыванием денег, международными преступлениями и т.д. Большинство же болезней, в том числе социальных, можно предотвратить или вылечить при помощи превентивных и «терапевтических» средств.

Если представители политической власти государства не понимают подлинной роли уголовного закона и пытаются решать с его помощью все политические, экономические и социальные проблемы, то следствием этого является повышение уровня криминализации общества, увеличение количества заключенных, искусственная маргинализация и другие подобные последствия. Примерами этого являются государства с достаточно жесткой уголовно-правовой политикой и, соответственно, наибольшим количеством лиц, содержащихся в условиях лишения свободы, в том числе США, Россия, Китай.

Одной из уникальных черт уголовно-правовой системы США являлась её изначальная гуманность, которая постепенно сменяется беспощадностью. Этот подход особенно проявляется в штатах, где с 1990-х гг. введен так называемый «закон трех ударов» (three strikes law). Один из самых популярных видов спорта в США – это бейсбол и указанный закон пришел именно оттуда. Система «трех ударов» даёт возможность человеку иметь два шанса на исправление. Если же в рамках имеющихся шансов человек не исправляется, то третий шанс ему не дается.

Этот прогрессирующий подход к наказанию способствует массовому наполнению тюрем, что стало причиной того, что США занимают первое место в мире по количеству заключенных на душу населения (второе место занимает Россия). Так, в некоторых штатах в США наблюдается огромная перенаселённость в тюрьмах. При этом не только «закон трёх ударов» выступает фактором, из-за которого в тюрьмах наступает перенаселение. Важнейшую роль здесь играет и установление уголовной ответственности за действия, которые в большинстве стран мира имеют административную или иную, более мягкую, ответственность. Например, в США дарение лекарства, пьяная езда за рулем рассматриваются как уголовные преступления. В то время как в России и во многих странах мира – это всего лишь административный проступок. Также в США уголовному преследованию подлежат лица, допустившие нарушение restraining order – судебного запрета (приближаться к определенному лицу, общаться с ним, звонить по телефону, переписываться, троллить в социальных сетях, посещать определенные заведения и т.п.), любая угроза, battery – «рукоприкладство» (не обязательно насилие, а даже похлопывание женщины по ягодицам). Вопреки представлениям иностранцев, в США весьма тяжким преступлением является ношение огнестрельного оружия в общественных местах (разрешение можно получить только на его хранение с целью защиты своего жилья).

Таким образом, особенности правовой системы США во многом обусловлены действием «закона трёх ударов», который, в то время как является механизмом для обеспечения правосудия, также создает проблемы перенаселённости тюрем и относительной несправедливости в отношении некоторых преступлений.

Факт осуждения означает, что человека увольняют с работы и потом не возьмут на другую достойную работу по недоверию к нему. Итак, Америка так устроена: нарушающий правила всё ниже опускается по социальной лестнице, а тот, кто выше по ней поднимается, тем более боится совершить что-то, запрещённое законом.

В других государствах созданы условия, при которых места для применения уголовного закона вообще не остаётся.

Например, на Мальте, население которой составляет около 450 тыс. человек, за несколько последних лет не было совершено ни одного серьёзного преступления. Вместо принятия десятков концепций и программ противодействия преступности в этом государстве разместили миллион видеокамер, «отслеживающих» его 24 часа в сутки, ввели другое новейшее техническое,

финансовое, кадровое и организационное полицейское обеспечение, а также ввели высокие штрафы за любые нарушения общественного порядка. Этого на фоне высокого уровня религиозности и/или нравственности населения и соответственно надлежащего правового воспитания оказалось достаточным [4, с. 151].

Похожая ситуация, где уровень преступности очень низкий – на Кипре, в Бахрейне, Сингапуре, Дании, Исландии, Люксембурге, Норвегии, Новой Зеландии, Японии и т.д.

Состояние развития нашей страны как независимого, демократического, социального и правового государства характеризуется объективной необходимостью реформирования уголовной юстиции и её органов. В современном российском обществе растет запрос на демократизацию уголовно-правовой политики государства и восстановление доверия к судебным и правоохранительным органам. Реформирование уголовной юстиции и её органов связывается с эффективной уголовной политикой противодействия преступности. Исходя из общего определения уголовно-правовой политики, можно представить его конструкцию в соответствии со следующими подходами.

П. Н. Панченко выделяет четыре самостоятельных формы реализации уголовно-правовой политики: законодательную, директивную, управленческую и исполнительную деятельность [5]. И. Э. Звечаровский различает три ее основные формы: правотворчество, применение права и правовую культуру [6, с. 76]. Это далеко не полное отражение всех точек зрения по данной проблеме.

Правотворческая форма реализации уголовно-правовой политики включает процесс реформирования органов уголовной юстиции, процесса их деятельности, выполнения решений для достижения целей уголовного судопроизводства через создание и принятие законодательных и других нормативно-правовых актов. На этом уровне такими актами могут быть не только отдельные стратегии, программы, договоры, но и Уголовный¹, Уголовно-процессуальный², Уголовно-исполнительный кодексы³. Данная форма реализации уголовно-правовой политики включает в себя определённые процедуры: 1) инициирование принятия или смены нормативно-правового акта; 2) обсуждение идеи или концепции на разных уровнях (научном, научно-практическом, профессиональном, общественном, региональном, межрегиональном, государственном, международном); 3) принятие нормативного правового акта на соответствующем уровне; 4) вступление в силу нормативно-правового акта; 5) контроль реализации идей, направленных на нормативно-правовой акт; 6) принятие необходимых изменений в целях достижения большей эффективности правоприменения.

Правоприменительная форма реализации уголовно-правовой политики охватывает процесс реформирования органов уголовной юстиции, процесс их деятельности, исполнение решений для достижения целей уголовного судопроизводства посредством применения законодательных и других нормативно-правовых актов. Моментом начала реализации правоприменения уголовно-правовой политики является вступление в силу соответствующего нормативно-правового акта, которым регулируются общие или отдельные положения реформирования органов и процедур уголовной юстиции для противодействия преступлениям. Поэтому эффективность реформы связывают, прежде всего, с правоприменением. Хотя предсказание эффективности её выполнения может быть осуществлено на уровне создания нормативно-правового акта, призванного урегулировать общественные отношения правосудия. Сложность оценки такого реформирования заключается в том, что правоприменение зависит от правотворческой формы реализации соответствующей уголовно-правовой политики. Однако такая зависимость не является абсолютной,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

поскольку деятельность по противодействию преступлениям хотя и зависит от установленных нормативно правовыми актами форм, но субъекты, на которых она распространяется, и способы воздействия на них остаются неизменными и довольно ограниченными. Именно от этой формы реализации уголовно-правовой политики зависит эффективность реализации идей, заложенных при принятии соответствующего нормативно-правового акта, направленного на противодействие преступлениям [7, с. 180].

Таким образом, уголовно-правовая политика представляет собой деятельность государства по защите граждан и общества от преступных посягательств и преступлений в целом. Содержанием уголовно-правовой политики является разработка целей и задач, а также разработка средств и методов борьбы с преступностью. Задачи и подходы к реализации уголовно-правовой политики различаются в различных государствах. Это связано с целым комплексом экономических, политических, социальных и иных причин.

Р. Л. Нерсесов справедливо отмечает, что частые изменения уголовного закона иногда свидетельствуют о проблеме, касающейся теоретической неподготовленности законодателя при принятии либо изменении ряда уголовно-правовых норм [8, с. 113]. Примером может служить декриминализация в 2011 г. клеветы (ст. 129 УК РФ), клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298 УК РФ). Необоснованность данной декриминализации подтверждается тем, что в 2012 г. законодатель вновь криминализировал клевету, введя в УК РФ ст. 128.1 и ст. 298.1 практически в прежней редакции.

В специальной литературе отмечается, что в последнее время наблюдается такое явление, как мнимая криминализация. Действительно, по сути криминализация может быть реальной и мнимой. Реальная криминализация связана с введением нормы, содержащей признаки уголовно-наказуемого деяния, которое ранее не признавалось преступлением. Так, Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ¹ в УК РФ была введена ст. 124.1, содержащая состав воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Ранее уголовному законодательству России данное деяние известно не было. Указанная норма уголовного закона была введена вполне обоснованно, поскольку участились случаи невыполнения предписаний врачей, отказа от лечения самим пациентом либо родителями несовершеннолетнего больного без каких бы то ни было видимых причин.

Иногда результатом законодательной деятельности становится искусственное увеличение объема криминализации за счет «размножения» одного состава преступления «путем деления» на несколько новых составов преступлений.

Так, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ² в Уголовный кодекс РФ были введены ст. 159.1-159.6, содержащие специальные составы мошенничества: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), мошенничество при получении выплат (ст. 159.2), мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3), мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6).

Еще одним дефектом криминализации деяний является отсутствие единства формулировок при конструировании административно-преюдициальных норм в уголовном законе, что создает ряд проблем теоретического и практического характера.

В одних случаях при конструировании административно-преюдициальной нормы используется термин «неоднократно» (например, в ст. 151.1, 212.1 УК РФ); в других – указывается та или иная статья КоАП РФ, содержащая состав административного правонарушения, к повторному совершению которого отсылает законодатель (например, в ст. 284.2 УК РФ). Иногда законодатель

¹ Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников" // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

² Федеральный закон от 29.11.2012 N 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.10.2025).

в статьях Особенной части УК РФ указывает специальный субъект преступления – лицо, подвергнутое административному наказанию (например, в ст. 116.1 УК РФ).

Что касается термина «неоднократно» в УК РФ, то в разных административно-преюдициальных нормах он имеет различную смысловую нагрузку, что недопустимо в рамках одного нормативного правового акта. Так, в примечании к ст. 212.1 УК РФ закреплено, что нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, совершенным лицом неоднократно, признается нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ¹, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней. В примечании к ст. 151.1 УК РФ предусмотрено, что розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Примечание к ст. 314.1 УК РФ устанавливает, что неоднократным несоблюдением лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, признается несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Таким образом, мы видим, что в одних случаях законодатель связывает неоднократность с повторным совершением одного и того же административного правонарушения, в другом – с привлечением к административной ответственности два раза в течение года, в третьем – с привлечением к административной ответственности более двух раз в течение полугода. В отдельных нормах указывается конкретная статья КоАП РФ, в других упоминается «аналогичное деяние».

Заключение

Отмеченные недостатки криминализации деяний требуют устранения путем приведения всех уже имеющихся и вводимых в УК РФ административно-преюдициальных норм к единому знаменателю и указания в диспозициях статей признаков общественно опасного деяния с формулировкой «совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей». Считаем, что единообразное конструирование административно-преюдициальных норм позволит устранить недостатки правового регулирования и облегчит их применение на практике.

Список источников

1. Дадашева Д. А. Уголовная политика Российской Федерации: понятие и значение / В сб.: Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 83–87.
2. Калиновская Т. А., Дядькин О. Н. Понятие современной уголовной политики / В сб.: Актуальные вопросы развития науки на современном этапе. Сборник статей. Под общ. ред. Г. Н. Гужиной. М., 2019. С. 56–61.
3. Желтухин К. А. Уголовная политика: современное понятие и основные направления / В сб.: Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы третьего круглого стола со Всероссийским и международным участием. Шахты, 2020. С. 76–78.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. Епифанова Т. В., Винкерт В. В. К вопросу о понятии и сущности уголовной политики / В сб.: Научные исследования как основа инновационного развития общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Омск, 2021. С. 151–156.
5. Панченко П. Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики / Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1996. С. 104–112.
6. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: Понятие, принципы, политика. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. 97 с.
7. Рамазанов М. Д., Магомедова А. И. Понятие и формы реализации уголовной политики // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 12-1. С. 180–185. EDN: YSAGLJ. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.12.018>
8. Нерсесов Р. Л. Основные проблемы криминализации деяний в России // Правовое образование : сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2019. С. 113–114.

References

1. Dadasheva D. A. Criminal policy of the Russian Federation: concept and meaning. In: *Criminal policy in the field of ensuring the safety of public health, public morals and other socially significant interests*. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference; 2018. P. 83–87. (In Russ.)
2. Kalinovskaya T. A., Dyadkin O. N. The concept of modern criminal policy. In: *Current issues of science development at the present stage. collection of articles*. Under the general editorship of G. N. Guzhina. Moscow; 2019. P. 56–61. (In Russ.)
3. Zheltukhin K. A. Criminal policy: modern concept and main directions. In: *Legal science in the 21st century: current problems and prospects for their solutions*. Collection of scientific articles based on the results of the third round table with National and international participation. Shakhty; 2020. P. 76–78. (In Russ.)
4. Epifanova T. V., Vinkert V. V. On the concept and essence of criminal policy. In: *High-tech research as the basis of innovative development of society*. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Omsk; 2021. P. 151–156. (In Russ.)
5. Panchenko P. N. Management of the application of criminal legislation as a strategy and tactics of criminal policy. In: *Problems of legal technology in criminal and criminal procedure legislation : collection of scientific articles* Yaroslavl: Publishing House of Yaroslav University; 1996. P. 104–112. (In Russ.)
6. Zvecharovsky I. E. Modern criminal law of Russia: The concept, principles, and policy. St. Petersburg: Law Center Press; 2001. 97 p. (In Russ.)
7. Ramazanov M. D., Magomedova A. I. The concept and forms of criminal policy implementation. *Issues of Russian and international law*. 2019;9(12-1):180–185. EDN: YSAGLJ. (In Russ.) <https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.12.018>
8. Nersesov R. L. The main problems of criminalization of acts in Russia. *Legal education : collection of scientific articles*. Rostov-on-Don; 2019. P. 113–114. (In Russ.)

Информация об авторах

С. И. Кузина – доктор политических наук, профессор.
Е. А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор.
И. Г. Сагирян – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

S. I. Kuzina – Dr. Sci. (Polit), Professor.
E. A. Palamarchuk – Dr. Sci. (History), Professor.
I. G. Sagiryan – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 26.11.2025.